

Снова в Украине

С февраля 1938 года отец переезжает в Киев, сменив на посту Первого секретаря ЦК Компартии Украины впавшего в немилость Станислава Косиора. Отец попытался отказаться, сказал, что Украиной должен управлять украинец, а он русский и по-украински объясняется через пень колоду. Но Сталин на него цыкнул, сказав, что русский Хрущев управится там не хуже поляка Косиора. Теперь отцу предстояло не только учить язык, но и с азав осваиваться в житнице Советского Союза, осваивать земледелие. С пятнадцатилетнего возраста он не прикасался к плугу, о сельском хозяйстве имел более чем приблизительное представление. Учился отец быстро. Вскоре уже начал понимать, в чем разница позиций профессора Прянишникова, ратовавшего за развитие промышленности химических удобрений, и любимца Сталина академика Василия Вильямса, проповедывавшего травопольную систему и обещавшего (почти как впоследствии другой академик, Трофим Лысенко) изобилие практически бесплатно, только за счет смены выращиваемых на поле растений.

Отец тяготел к Прянишникову, но внедрял официально одобренную Сталиным систему Вильямса. Правда, на Украине она не приносила обещанного эффекта, а «на юге вообще ничего не получалось».

Другой палочкой-выручалочкой в те годы считалась глубокая пахота, она тоже внедрялась директивно, решениями Политбюро. За неукоснительным исполнением решений следило НКВД. «Тогда велись буквально судебные процессы против буккера – орудия для поверхностной вспашки почвы. Сторонников пахоты буккером осуждали и ликвидировали», – вспоминал отец.

Все эти агротехнические тонкости знать отцу требовалось назубок. На засушливом юге люцерна и другие травы растут плохо, а именно они, по мысли Вильямса, должны были за три года восстанавливать плодородие почвы и подготавливать поля к новой посевной. Должны бы, но получалось далеко не всегда и не везде. Собственно, такова участь любой теории: где-то она применима, где-то нет.

С глубокой вспашкой – проще, она хороша в средней полосе, плуг переворачивает пласт земли, тем самым «хоронит» сорняки и перемешивает влажную от частых дождей почву. На юге дождей раз-два и обчелся. Вывернешь нижний, еще хранящий следы влаги слой земли, он быстро просохнет на ветерке да на солнышке, и прощай, будущий урожай. А если по весне еще заветрит, то не избежать и пыльной «черной» бури. Поэтому там землю чуть рыхлили, «царапали», как говорил отец, не плугом, а скорее бороной, неглубоко прорезали, не переворачивая остатки прошлогодних посевов фрезами. Эта технология пришла из США, там, на Среднем Западе те же проблемы, и название осталось американским, «буккер». Что оно означает, никто уже и не помнил. Сталин посчитал, что крестьяне просто ленятся пахать по-настоящему, глубоко, и приказал «органам» проследить. К «буккеру» на протяжении этой книги мне еще придется возвращаться не раз. Так уж получилось, что он переплелся с жизнью отца.

Еще одной «головной болью» отца в те годы стала сахарная свекла, единственный источник сахара в стране. Сеяли ее рядками, вдоль них периодически рыхлили землю специальными ножами, установленными на тракторах, подрезали сорняки в междурядье, а вот прореживать свеклу и полоть сорняки в рядках приходилось руками. Рук требовалось множество, на свекле все лето трудились школьники, студенты и даже красноармейцы. Агрономы мечтали: как бы научиться высевать сахарную свеклу не рядками, а точно, в шахматном порядке. Тогда и обрабатывать посевы машинами можно не только вдоль рядка, но и поперек, а во всей этой ораве мобилизованных надобность отпадет. Рассказывали, что аме-

риканцы до такого уже додумались. Узнав об американских опытах, отец попросил разыскать всю доступную информацию, но воспользоваться ею не успел, грянула война.

С первого дня – он на фронте, отступал от Тернополя до Сталинграда, испытал горечь поражения под Киевом в 1941-м и под Харьковом в 1942 году, радость победы под Сталинградом и Курском в 1943-м. Дошел до Киева, похоронил в парке над Днепром своего друга, командующего 1-м Украинским фронтом генерала Николая Федоровича Ватутина, погибшего от пули украинских националистов, и вернулся к своим обязанностям секретаря ЦК Компартии Украины и Председателя правительства республики. Пришла пора восстанавливать разрушенное войной. Отступающие войска взрывали, сжигали все, что могли: в 1941 году – наши, в 1943-м – немцы.

С отцом я расстался 22 июня 1941 года, когда он, вместе с прилетевшим из Москвы начальником Генерального штаба генералом Георгием Константиновичем Жуковым, машиной уехал на фронт. Лететь поостереглись, в воздухе свирепствовали немцы, железнодорожные пути оказались разбомбленными. Мы же оставались в Киеве. В первые дни, не ощущая трагедии происходившего, продолжали жить на даче в Межигорье. Белое здание загородной резиденции кое-как покрасили зеленой краской, натянули зеленые веревки с навешенной на них бахромой маскировки. В небе над нами днем, не таясь, гудели летевшие на восток вражеские бомбовозы. Нас не бомбили, бомбили Дарницу – железнодорожный узел за Днепром. Такая «идиллия» продолжалась с неделю. Мы, как и все остальные, не представляли, что творится на фронте, считали: враг далеко, его вот-вот остановят. В последние дни июня от отца с фронта передали команду: «Срочно уезжайте». Эвакуировались мы 3 июля, мне этот день запомнился, накануне был мой день рождения. В тот год о нем никто и не вспомнил, и я очень огорчился. На следующий день началась суeta, бегство. Вещи с собой не брали, только самое необходимое, что влезло в разрешенные кем-то «наверху» пару чемоданов. Вскоре после нашего отъезда мышеловка захлопнулась, немцы окружили Киев, но мы уже были далеко, поезд увез нас в Куйбышев (ныне Самара). Там мы провели самые трудные военные годы, и только после победы в Сталинграде переехали в Москву.